

**ФИЛОСОФИЯ – ЭТО ТО, ЧТО СТРУКТУРИРУЕТ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ
БЕСЕДЫ С ЛЮКОМ БРИССОНОМ***

Люк Бриссон. Если говорить о моих корнях, то нужен небольшой исторический экскурс¹. До 1760 г. Канада принадлежала Франции. Затем британская армия вторглась в страну с востока (с Атлантики) и с юга (из Соединенных Штатов, которые тогда были британскими владениями). Мой род берет начало от французского солдата, который был послан служить в Канаду в 1755 г. Там у него родились двое детей (хотя рядовые не имели права жениться и брак не был официально оформлен), которые и являются моими первыми канадскими предками. В то время Британия и Франция находились в состоянии войны. Военные действия не были особенно жесточеными: если солдаты попадали в плен, их отсылали на родину, и дело с концом. Случилось так, что этого солдата, давшего начало нашему роду, в 1760 г. выслали обратно во Францию, откуда он уже не вернулся, а его потомки до сих пор живут в Квебеке.

Когда Канада стала британским владением, между британцами и французской католической церковью был заключен договор, по которому контроль за политикой и армией взяли на себя британцы, а внутренние дела французской части Канады отошли к церкви, которая и занималась этим с 1760 по 1960. Школа (начальная и средняя), университет, больницы – все это принадлежало церкви.

Я родился в бедной деревушке, но поскольку я был смышленным ребенком, местный священник и архиепископ решили, что мне следует поступить в семинарию, а потом стать священником. Так что уже в возрасте одиннадцати лет я изучал греческий и латинский языки, читал античных авторов. Когда годы спустя я поступил в университет, то естественным образом выбрал изучение греческой философии и классики. На самом деле, все обстояло несколько сложнее, поскольку я мечтал стать математиком, но в семинарии,

* Настоящий текст представляет собой запись бесед, которые состоялись в сентябре–октябре 2010 г. в Париже. Я благодарен Фонду «Дом наук о человеке» (Foundation Maison des Sciences de l'Homme), при поддержке которого стала возможной эта публикация (В.В.Петров).

¹ Люк Бриссон, историк философии, специалист по античной философии. Ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований (CNRS), вице-президент Международного Платоновского общества (1992–2004). Автор многочисленных работ, посвященных исследованию орфизма, философии Платона, Аристотеля, Плотина, неоплатонизма. Переводчик сочинений Платона, Плотина, Порфирия, Ямвлиха. В 2009 и 2010 гг. выступал с лекциями в Центре античной и средневековой науки ИФ РАН, где также провел два семинара по «Сентенциям» Порфирия.

Книги: *Le Même et l'autre dans la structure ontologique du «Timée» de Platon*. Paris: Klincksieck, 1973; *Le Mythe de Tirésias: essai d'analyse structurale*. Leiden: Brill, 1976; *Platon, les mots et les mythes: comment et pourquoi Platon nomma le mythe?* Paris: F.Maspero, 1982; (avec F.Walter Meyerstein) *Inventer l'univers: le problème de la connaissance et les modèles cosmologiques*. Paris: Les Belles Lettres, 1991; (avec F.Walter Meyerstein) *Puissance et limites de la raison: le problème des valeurs*. Paris: les Belles lettres, 1995; *Orphée et l'orphisme dans l'Antiquité gréco-romaine*. Aldershot: Variorum, 1995; *Introduction à la philosophie du mythe. Vol. 1: Sauver les mythes*. Paris: Vrin, 1996; *Le Sexe Incertain: Androgynie et Hermaphroditisme dans l'Antiquité Gréco-Romaine*. Paris: Les Belles Lettres, 1997; (avec Jean-François Pradeau) *Le vocabulaire de Platon*. Paris: Ellipses, 1998; *Lectures de Platon*. Paris: J.Vrin, 2000; *Plotin. Ennéades / Sous la dir. de L.Brisson et J.-F.Pradeau. Traités 1–6; 7–21; 22–26; 27–29; 30–37; 38–41; 42–44; 45–50; 51–54; 51–54*. Paris: Flammarion, 2002–2010. О Л.Бриссоне см. также: Louis-André Dorion. *Entretiens avec Luc Brisson. Rendre raison au mythe*. Montreal: Liber, 1999.

где я учился, подобные занятия не были возможны. Так я пришел к Платону и античной философии. Это был не вполне мой выбор, но следствие конкретных обстоятельств, т. е. правления церкви и тогдашнего общественного устройства Квебека.

В семинарии все было направлено на то, чтобы сделать из нас священников. Поэтому так важны были греческий, латинский, а также французский языки. С философией дело обстояло иначе: преподавалась только средневековая философия в виде томизма.

Валерий Петров. После окончания семинарии было обязательно становиться священником?

Л.Б. После нашей семинарии делать что-либо иное было невозможно. Мы были очень бедны и считалось, что, поскольку нам дали образование, мы должны вернуть долг, став священниками. Так как я отказался подчиниться, у меня возникли проблемы и меня даже подвергли судилищу, как в Советском Союзе времен Сталина. Я был первым, кто так поступил, и стал считаться своего рода предателем. Поэтому я решил уехать и поступить в университет.

В.П. В университет Монреаля?

Л.Б. Да, в Монреаль. Это было в 1965 г. Как я сказал, до 1960 г. церковь управляла даже университетом. Доминиканцы возглавляли факультет философии, который имел тесные связи с богословским факультетом. К моменту моего поступления правление церкви формально уже закончилось, но большинство профессуры по-прежнему составляли священники. Нам преподавали учение Фомы Аквинского. Но факультет впервые возглавил светский ученый – Вианни Декари (Vianney Décarie). Он занимался перипатетизмом: издал книгу по метафизике Аристотеля² и перевел «Евдемову этику». А меня интересовал Платон, поэтому, когда представилась возможность, я отправился продолжать обучение во Францию.

В.П. Но вы получили диплом в Монреале?

Л.Б. Да, хотя в Канаде учиться мне не нравилось. В школе и колледже все тянулось слишком медленно. Поэтому из моей деревенской школы меня бесчисленное число раз выгоняли. Колледж напоминал военное училище, и находиться там было тяжело. Вышло так, что Вианни Декари приглашал Поля Рикера читать лекции у нас в Монреальском университете. Я рассказал Рикеру, что хочу изучать античную философию во Франции, и он рекомендовал меня мадам Клеманс Рамну (Clémence Ramnoux), ученице Дюмезиля, которой я написал письмо и та согласилась быть моим научным руководителем. Так что во Франции я снова поступил в университет – в Париж X – Нантер, получив четырехгодичную стипендию на выполнение доктората. Это был 1968-й, и из-за постоянных политических манифестаций мое пребывание там стало небезопасным³. Мадам Рамну не рекомендовала мне ходить в университет, поэтому я стал посещать занятия в Высшей школе практических исследований вместе с Жаном-Пьером Вернаном, Марселем Детьеном и Пьером Видаль-Наке, изучая не философию, а социологию, а остальное время проводил в Национальной библиотеке.

В.П. Посещение университета было небезопасно для вас лично?

Л.Б. Физической опасности не было, опасность исходила от полиции. Почти каждый день в университете случалась какая-нибудь заварушка, и если бы меня арестовали, то, как иностранца, выслали бы обратно в Канаду.

² Vianney Décarie, *L'objet de la métaphysique selon Aristotele*. Montréal: Institut d'études médiévales; Paris: J.Vrin, 1961.

³ Университет Париж X – Нантер был центром Майских событий 1968 г., в результате которых даже именовался «Красным Нантером».

В.П. В то время в Париже была бурной и философская жизнь.

Л.Б. Еще какая бурная! Альтюссер⁴ публиковал свои «За Маркса», «Читая *Капитал*», «Ленин и философия». Его влияние было особенно сильным в кругу выпускников Высшей нормальной школы, где он преподавал. Уже вышли «Сочинения» Лакана⁵, печатались его «Семинары», вызывавшие немалый ажиотаж. Интеллектуалы группировались вокруг группы фрейдомарксистов – Филипп Соллерс, Юлия Кристева, сотрудники «Тель Кель»⁶, например Барт, издавший чуть позже «Империю знаков»⁷. Попыткой соединить все это были «Сообщения. Фигура» Лиотара⁸. Делез выпустил «Различие и повторение», а в «Логике смысла» исследовал особенности репрезентации⁹. Дерриду интересовала природа письма в его отношении к этноцентризму и логоцентризму в «Из грамматиологии», «Письме и различии», «Голосе и феномене», которые тоже активно обсуждалось¹⁰. Однако меня вся эта волна не захватила. Лишь к Фуко я питал и питаю подлинный интерес и восхищение. Важными работами для меня являются «История безумия в классическую эпоху», «Слова и вещи», «Археология знания»¹¹. Все остальное мне представляется причудливой мешаниной из марксизма, психоанализа и риторики, реакцией на интеллектуальное брожение той эпохи. Вероятно схожее положение можно наблюдать и в современной русской философии.

В.П. Французы могут позволить себе и деконструкцию античных философских текстов, и различение образа и симулякра у Платона, поскольку отправляются от прочной основы – хорошего знания этих текстов как в переводах, так и в оригинале. Современные изыски легитимизированы предшествующим этапом длительного и скрупулезного изучения, а потому представляют собой его естественное продолжение. В России, напротив, добротное знание базовых текстов и способность читать их в оригинале являются у историков философии скорее исключением, а потому инверсии и деконструкции подвигаются в воздухе в силу отсутствия объекта для манипуляций. Прежде, чем выстраивать парадоксальные контексты, нужно наработать устойчивый ряд контекстов традиционных.

Л.Б. Вопрос в том, сколь долго при такого рода отношении к философии, уравнивающим ее с литературой, может продержаться даже великая традиция. Учеными, которые вдохновляли меня, были Жорж Дюмезиль и Эмиль Бенвенист.

В.П. Итак, вы окончили Париж X – Нантер, и затем...

Л.Б. Все было довольно запутанно... Я завершил обучение в 1971 г. В качестве докторской работы я за три года написал семисотстраничную книгу по «Тимею» Платона и хотел ее опубликовать. У меня был четырехгодичный грант, но канадское правительство отказалось оплатить мне четвертый год пребывания в Париже. Вместо того мне было предложено ехать в Оксфорд и пройти обучение там, после чего мне должны были выдать

⁴ Louis Pierre Althusser. *Pour Marx*. Paris: Maspero, 1965, *Lire le Capital*. Paris: Maspero, 1965, *Lénine et la philosophie*. Paris: Maspero, 1969.

⁵ Jacques-Marie-Émile Lacan. *Écrits*. Paris: Éditions du Seuil, 1966.

⁶ Журнал *Tel Quel* (1960–1982), издание французских структуралистов.

⁷ Roland Barthes. *L'Empire des signes*. Paris: Skira, 1970.

⁸ Jean-François Lyotard. *Discours, figure*. Paris: Klincksieck, 1971.

⁹ Gilles Deleuze. *Différence et répétition*. Paris: Presses Univ. de France, 1968; *Logique du sens*. Paris: Ed. de Minuit, 1969.

¹⁰ Jacques Derrida. *De la grammatologie*. Paris: Ed. de Minuit, 1967; *L'Écriture et la différence*. Paris: Seuil 1967; *La voix et le phénomène*. Presses univ. de France 1967).

¹¹ Michel Foucault. *Histoire de la folie à l'âge classique*. Paris: Librairie Plon, 1961; *Les Mots et les Choses*. Paris: Éd. Gallimard, 1964; *L'Archéologie du savoir*. Paris: Éd. Gallimard, 1969.

половину оставшейся суммы. В Оксфорде я оставался целый год, готовя рукопись своей книги, поскольку это был единственный способ продолжать получать стипендию.

Затем я вернулся во Францию, где в то время было три типа доктората. Во-первых, двухгодичный «университетский докторат», который не давал права преподавать. Затем «докторат третьего цикла», венчавший третий цикл университетских дисциплин, который выполнялся за четыре года и позволял преподавать в лицее. В принципе, это был эквивалент Ph.D., но во Франции он расценивался лишь как подготовительный этап к «государственному докторату» (*doctorat d'État*). Лишь последний открывал путь к университетской карьере. Для защиты требовалось опубликовать увесистый научный труд, объем которого мог достигать тысячи страниц. Как иностранец, я мог рассчитывать лишь на докторат третьего цикла, и хотя мадам Рамну приложила все усилия, чтобы мой докторат переqualificировали в «государственный», министерство образования и университет Нантера не дали разрешения. Поэтому государственный докторат я защитил только в 1985 г.

В.П. Тем не менее вы получили работу в Национальном центре по научным исследованиям (НЦНИ)¹².

Л.Б. В 1972 г. на Пасху, прежде чем вернуться в Канаду, где мне предложили читать курс в Университете Монреаля, я предпринял путешествие в Турцию. Мне хотелось увидеть следы византийской цивилизации и составить представление об империи, которая уничтожила греческую культуру. Я также хотел побывать на Ионийском побережье, где зародилась греческая философия. Между прочим, во время этого путешествия я познакомился с Катрин, моей будущей женой. Затем я вернулся в Монреаль, и там встретил Жана Пепена, который пригласил меня в свою группу в НЦНИ. Группа находилась в стадии формирования. Дело в том, что семинар по греческой философии в Сорбонне, которым руководил Пьер-Максим Шюль¹³, по политическим разделился на две части. «Консерваторов» в 1969 г. возглавил Пьер Обанк¹⁴, они предпочли заниматься периодом от досократиков до стоиков. А Жан Пепен¹⁵ вместе с «левыми» ушел, чтобы создать группу для изучения периода от поздней Античности до высокого Средневековья.

Весь 1973 г. я правил первую верстку своей книги. Тогда же я познакомился с Аленом Сегоном¹⁶, который оказал мне неоценимую помощь, прочитав и внося поправки в верстку. Сегон – ученик Фестюжьера¹⁷, лучший в мире знаток греческого философского языка. Я составил программу своих исследований, которую представил в НЦНИ, получив поддержку влиятельных членов комиссии – Пьера Адо, Пьера Обанка, Эдуарда Жоно и др.

¹² Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS).

¹³ Pierre Maxime Schuhl (1902–1984), историк философии. Профессор Сорбонны, с 1962 г. – президент Философского факультета. С 1952 г. – главный редактор *Revue philosophique*. Автор более 400 статей.

¹⁴ Pierre Aubenque (1929–), историк философии, комментатор Аристотеля, полемизировал с Хайдеггером и Кассирером. *Le problème de l'être chez Aristote* (Paris: Presses Universitaires de France, 1962); *Concepts et catégories dans la pensée antique*. Paris, 1980.

¹⁵ Jean Pépin (1924–2005), историк философии, исследовал связи христианской и античной философских традиций. В 1969 основал группу «История учений конца Античности и высокого Средневековья», которой руководил до 1986 г.

¹⁶ Alain Philippe Segonds (1942–2011), филолог, историк философии и науки, генеральный директор издательства Les Belles Lettres. Переводил сочинения Дамаския, Ямвлиха, Марина, Порфирия, Прокла. Исследовал религиозную мысль языческой античности в ее связи с ранним христианством.

¹⁷ André-Jean Festugière (1898–1982), доминиканец, филолог, крупнейший специалист по неоплатонизму, медиевист. Переводил Гиппократ, Платона, Прокла, «Герметический корпус».

Помимо прочего, я был принят в НЦНИ потому, что не хватало специалистов со знанием древнегреческого языка. В Европе греческий преподавали один-два часа в неделю на протяжении двух или четырех лет. Максимум, что можно делать после такого обучения, это иметь возможность сверять французский перевод с греческим оригиналом. Мало кто хорошо знал английский, что не позволяло учитывать вторичную литературу. А я к тому времени занимался древними языками уже более десяти лет, английский для меня второй родной, и я сносно знал немецкий. Зато у моих коллег был более развит разговорный французский: он был богаче и лучше структурирован. Во Франции любой пост, любое назначение становится объектом состязания претендентов, так что часто именно риторические способности становятся определяющими.

В.П. Стало быть, в иностранных языках у вас было преимущество.

Л.Б. Поэтому меня и приняли. НЦНИ представляет собой нечто особенное, и это имеет отношение к французской истории. Нынешняя образовательная система во Франции создана в 1803 г. Наполеоном и с тех не претерпела существенных изменений. Она была организована по армейскому образцу. Не получив французского гражданства и не сдав национальные экзамены, нельзя было получить разрешение преподавать, будь то в начальной или средней школе, или в университете. А чтобы сдать экзамен, нужно было иметь гражданство. Поэтому, не находясь в университете и не будучи французом, преподавать во Франции было нельзя. Это было проблемой, которая начала ощущаться уже в начале XX в. Назревала война с Германией, и для подготовки к ней требовались специалисты, особенно в научной сфере. Поэтому Народный фронт, привлекая средства частного капитала, начал создавать группы научных экспертов, из которых потом вырос НЦНИ, напоминавший советскую Академию наук. После войны – после отставки де Голля и при социалистах – эти группы были национализированы. Были образованы секции по математике, физике (для работ над атомной бомбой), химии, биологии и пр. Последней была секция по философии. Философия не входила в число национальных приоритетов, но такая секция была создана. Теперь в НЦНИ 35 секций. Философская – самое малочисленное подразделение – менее ста человек. Есть две группы, занимающиеся античностью, и от десяти до пятнадцати групп, изучающих историю философии.

Каждая секция управлялась комиссией, в которой треть членов избиралась исследователями НЦНИ, треть – университетскими преподавателями, и треть назначалась министерством науки. В ведении комиссий находились создание коллективов и управление ими, прием на работу и карьерный рост исследователей, а также распределение финансирования и субсидий для издания книг. Комиссия собиралась как минимум дважды в год.

В НЦНИ исследователь, по крайней мере в гуманитарных науках, совершенно свободен, и занимается практически всем, чем хочет. Нам платили зарплату, но у нас не было определенного рабочего места и подручных средств. Нужно сказать, что большинство работало на совесть: не по принуждению, но ради удовольствия заниматься любимым делом. Я смог сделать все, что сделал, поскольку я был в НЦНИ: я располагал временем и был окружен специалистами, которым не было равных. Вот почему я так благодарен Жану Пепену.

Для меня создание философской секции было личной удачей, поскольку позволило, не имея французского гражданства, работать среди коллег. Любопытный факт: среди специалистов по неоплатонизму большинство составляли иностранцы или маргиналы (священники или бывшие священники). Священником был Пьер Адо, священником был Жан Пепен...

В.П. Жан Труйяр...

Л.Б. ...священником был Труйяр. Эдуард Жоно – священник. А если говорить об иностранцах, то я – канадец, Изабель де Андия – испанка, Денис О’Брайен¹⁸ – англичанин. Французы работали в университетах, а в НЦНИ – либо иностранцы, либо те, кто получил образование в католических институтах. Вот почему НЦНИ так важен.

Правда, теперь от людей, занимающихся преимущественно исследованиями, а не преподаванием, хотят избавиться. Планируется преобразовать НЦНИ в структуру, которой поручаются разовые проекты. Если некоему университету потребуется, скажем, перевести сочинение Прокла или Олимпиодора или еще что-то в этом роде, они смогут поручить это НЦНИ. Проблема в том, что максимальный срок контракта – четыре года, но очевидно, что «Платоновскую теологию» или «Комментарий на Тимей» Прокла за такой срок перевести невозможно. По сути такая реорганизация означает ликвидацию НЦНИ в его нынешнем виде. Насколько я знаю, в схожей ситуации находятся академические институты в России.

В.П. Да, Российская Академия наук переживает непростой этап, всюю идет процесс образования параллельной системы научных центров, но мне странно слышать о пренебрежительном отношении к НЦНИ во Франции, научная школа которой имеет мировое признание и долгую историю.

Л.Б. Теперь это никого не интересует. С одной стороны, на всех не хватает финансирования, а с другой, хотя в университеты инвестируются большие деньги, отдача не соответствует вложениям.

В.П. Потому, что в университетах большая часть времени и сил уходит на преподавание?

Л.Б. Не только на преподавание. Преподавание важно, я сам люблю преподавать, но много времени отнимает администрирование. Большая часть времени уходит на поиски денег. Если вы хотите работать, вам нужно найти финансирование, а чтобы его добиться, приходится крутиться как в малом бизнесе. Основная проблема в этом, а не в самом преподавании. Преподавание – это прекрасно, но администрирование – катастрофа. Не знаю, как обстоят дела в России, но у нас ситуация критическая.

В.П. Под администрированием вы подразумеваете бюрократическую работу... то что преподаватель в университете должен выполнять административные функции...

Л.Б. Это не просто бюрократические процедуры... На это тратится большая часть времени... Не просто много времени, но большая его часть. Дело не сводится к администрированию. Важно обеспечить финансирование, публикацию книг. А это весьма непросто. В текущий момент ситуация во Франции тяжела. Денег на все не хватает, и что с этим делать неясно.

В.П. Вернемся к науке. Каковы теперешние веяния в исследованиях античной философии? Что вы думаете о студентах? Наблюдается рост или спад интереса к классической философии?

Л.Б. Трудно говорить вообще.

В.П. То есть все как всегда – есть небольшое число одаренных учеников...

Л.Б. Именно так. Хотя, по правде сказать, я настроен скептически. Мой учитель Вианни Декари бывало повторял: «Предмет интересен тем, кто им интересуется». Я понятно выражаюсь? У меня было много талантливых

¹⁸ Denis O’Brien (1936). Автобиографию и библиографию см. *Agonistes. Studies in Honour of Denis O’Brien* / Eds. John Dillon, Monique Dixsaut. Aldershot: Ashgate, 2005.

учеников, но большинство теперь работает в других странах: в Германии, в Бельгии, в Италии, в Канаде, и даже в Бразилии. Я рад за них, но мне кажется, что Франция утратила лидирующие позиции, что весьма печально, поскольку французская наука была выразителем очень важных ценностей.

В.П. Традиция французской учености всегда была одной из сильнейших... Как немецкая, но Германия утратила почти все во время Второй мировой войны.

Л.Б. Они почти все потеряли. И не только во время войны, но и после. Почти все в нашей области сейчас продано Соединенным Штатам: Аристотелевским институтом в Берлине руководит американец, американцам принадлежит большая часть журналов и крупных издательств. У немцев мало что осталось.

В.П. А что в Великобритании: Оксфорд, Кембридж?

Л.Б. Оксфорд и Кембридж в хорошем состоянии. Тем не менее те, кто там работает, хотят уехать в США. Например, моя коллега из Кингс Колледжа в Кембридже, замечательный специалист, теперь работает в Принстоне. Обычно молодые ученые из Оксфорда и Кембриджа едут в Соединенные Штаты, а американцы на излете карьеры переезжают в Оксфорд. Так что, какой-то особой английской школы теперь тоже нет. То же самое у итальянцев.

В.П. Я полагал, что у них сохраняется сильная филологическая школа.

Л.Б. Разумеется, но в последнее время она в упадке. Их отличала хорошая подготовка в греческом и латинском, поскольку эти языки преподавались в семинариях, но больше этого нет. В школах прекращено преподавание древних языков. Через десять или пятнадцать лет традиция прервется.

В.П. Это означает упадок классической филологии?

Л.Б. Я скептик, но не пессимист. В истории бывали такие периоды: в эпоху поздней античности, в средние века...

В.П. Все движется вверх и вниз.

Л.Б. Да. Всегда находятся молодые люди, работающие в этой области. И притом очень одаренные. Тем не менее подлинно великая традиция классических исследований находится на грани исчезновения. А в том, что касается американцев, основная проблема лежит в области политики. Их совершенно не интересует история...

В.П. Поскольку их собственная история не слишком продолжительна?

Л.Б. Они считают себя лучшими и не принимают всерьез кого-либо еще. Это недальновидно и к тому же опасно, поскольку приводит к войнам, когда они пытаются навязать свои ценности.

В.П. Но разве не так было в Римской империи?

Л.Б. Нет, римляне были умнее. Они тоже полагали себя лучшими, но признавали, например, что им нужна греческая культура.

В.П. Да, Цицерон призывал римлян перенести греческую философию на латинскую землю.

Л.Б. Сейчас это немислимо.

В.П. Но исследовательские центры в американских университетах чрезвычайно активны.

Л.Б. В нашей области – в исследованиях Платона и Аристотеля – после 1960 г. плодотворный период завершился. То, что сейчас публикуется в Америке по Платону и Аристотелю, не выдерживает никакой критики. Неоплатонизма как самостоятельного явления для них тоже не существует. Античная философия по-прежнему ограничивается Платоном, Аристотелем, иногда стоиками, но более поздний период не изучается.

В.П. Значит, поколение выдающихся ученых ушло?

Л.Б. Да.

В.П. Какие имена представителей этого ушедшего поколения вы могли бы упомянуть?

Л.Б. Сразу после войны в Соединенных Штатах работали очень интересные ученые, но они не были коренными американцами. Например, у Гарольда Черниса иудейские корни, то же у Лео Штрауса и Пауля Фридлендера, Курт фон Фриц – немец. Это были выдающиеся ученые.

В.П. И преимущественно европейцы.

Л.Б. Европейцы, работавшие в наиболее влиятельных университетах: Чернис в Принстоне, Штраус – в Чикаго и Йеле. Но в 1960-х пришло следующее поколение. К примеру, Г.Э.Л. Оуэн. Не помню откуда он, но финансирование у него было отменное. Он организовал группу в Корнелльском университете. Они считали, что философия и история философии должны быть наукой, вроде естественных наук, и все переводили на язык логики. Исторический подход как таковой они отвергали. Теперь, много лет спустя, читая их статьи, задаешься вопросом: что, собственно, они хотят сказать?

В.П. Схожий уклон в логику виден у Ллойда.

Л.Б. У какого из них: А.Ч.Ллойда¹⁹ или Ллойда Герсона²⁰?

В.П. У А.Ч.Ллойда, который в «Анатомии неоплатонизма» рассматривает неоплатонизм преимущественно с точки зрения логики.

Л.Б. А я подумал о Ллойде Герсоне из Торонто, который близок к этому направлению. Такой подход возможен, но нельзя все сводить к нему. Теперь это уже не актуально, но в свое время нам во Франции было нелегко противостоять этому течению.

Что интересно, в Европе в начале XX в. было много людей, которые схожим образом хотели все поменять в философии. Бертран Рассел пытался переосмыслить историю науки, когда вместе с Альфредом Уайтхедом опубликовал *Principia mathematica* (1925). Джордж Эдвард Мур в *De principia ethica* (1903) пытался все перевернуть в этике. После Второй мировой войны этим подходом вдохновились в США. Я не против американцев, я против игнорирования всего остального. Никто не запрещает практиковать аналитическую философию, но это лишь часть общего целого. Для меня существуют гораздо более важные вещи. Если все перевести в логику, исчезнет греческий язык, исчезнет история греческой философии.

В.П. А как насчет франкоязычных ученых, особенно молодого поколения? Например, бельгиец Герд ван Риль, только что опубликовавший новый перевод «Комментария к Филебу» Дамаския...

¹⁹ Anthony Charles Lloyd (1916–), профессор философии Ливерпульского университета (1957–1983), затем Emeritus Professor там же. *The Anatomy of Neoplatonism* (Oxford: Clarendon Press, 1990); *Aristotle's Principle of Individuation* // *Mind* 79 (316):519–529; "Plotinus on the Genesis of Thought and Existence" // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 5 (1987), 155–186.

²⁰ Lloyd P. Gerson. *Aristotle and Other Platonists*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005); Plotinus. (Arguments of the Philosophers Series). London: Routledge, 1994; *Cambridge Companion to Plotinus* / Ed. by L.P.Gerson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996; Aristotle: Critical Assessments. Four volumes / Ed. by L.P.Gerson. London: Routledge, 1999; *Hellenistic Philosophy. Introductory Readings* / Transl. and ed. by B.Inwood and L.P. Gerson. Indianapolis: Hackett, 1988.

Л.Б. Да, теперь заметны и он, и другие ученики Карлоса Стела, например Ян Опсомер²¹ и Питер де Леман²², а также моя ученица Александра Мишалевски (Michalewski), которая сейчас работает в Кельне. Времена меняются. Очень яркие и способные исследователи появились в Индонезии, в Южной Корее.

В.П. Насколько аутентичным может быть подход к греческой философии у исследователя, воспитанного в японской или корейской культуре? Мне приходилось читать статьи по неоплатонизму, написанные японцами, их уровень был не особенно высок, много общих мест.

Л.Б. Это не всегда так. Например, по Плотину можно читать Сашико Саконжи²³. Она весьма компетентна. Еще десяток лет назад дело обстояло не так, но теперь многое меняется. Они усердно работают, они знают древнегреческий. Три года назад я вел там летнюю школу, и оказалось, что это весьма непросто. У японцев все расписано, как в армии: один час отведен для лекции, затем 35-минутный перерыв, после чего еще час для ответов на вопросы. От расписания отступать нельзя. Студенты передавали мне вопросы в письменной форме и мне пришлось непросто! Вопросы сложнейшие. К чему в этом предложении относится то или иное слово, что означает это прилагательное, какова синтаксическая конструкция этого периода... Нельзя было расслабиться ни на минуту.

Корейцы тоже весьма сильны. У меня был замечательный студент из Индонезии, иезуит из Католического института, очень подготовленный, невероятно одаренный. Есть специалисты в Южной Америке... Так что я не пессимист. Существует масса проблем, в Европе дела идут неважно, но рано или поздно придут новые люди...

В.П. А почему вы занялись санскритом?

Л.Б. Меня всегда интересовала религия. Я не верующий, я агностик, но считаю религию очень важной, может быть, потому, что сам происхожу из очень бедных социальных слоев. В моей деревне, в Канаде, всем руководил священник, так что для меня философия не является автономной, но всегда связана с религией, будь то католицизм, православие, протестантизм или ислам. Она задает различия между философскими системами. Например, я увлекся греческой философией потому, что она исходит из посылок, аксиом или принципов, отличных от таковых у средневековой философии. Средневековая философия вырастает из христианской догмы, напротив, корневая система греческой философии подпитывалась разными религиями.

Как я уже говорил, поскольку по внешним причинам у меня не было возможности изучать философию в университете Париж X – Нантер, и я стал посещать Высшую школу практических исследований и изучать со-

²¹ См. Jan Opsomer, *In search of the truth: academic tendencies in Middle Platonism*. Brussel, 1998; *Proclus. On the Existence of Evils* / Transl. by J.Opsomer, C.Steel. London: Duckworth, 2003; *Proclus. Ten Questions on Providence* / Transl. by J.Opsomer, C.Steel. London: Duckworth, 2010; *The origins of the Platonic system. Platonisms of the Early Empire and their philosophical contexts* / Eds. M.Bonazzi, J.Opsomer. Louvain: Peeters, 2009; "Proclus vs Plotinus on Matter (De Mal. Subs. 30-7)", *Phronesis* 46 (2):154–188.

²² См. Pieter De Leemans, *The reception of Aristotle's physical works in the Middle Ages* / Ed. P. De Leemans. Leiden: Brill, 2003; *Aristotle's Problemata in different times and tongues* / Eds. P. De Leemans, M.Goyens. Leuven: Leuven university press, 2006; *The Aristoteles Latinus: Past, Present, Future* / Eds. P. De Leemans, C.Steel. Brussel: Koninklijke Vlaamse Academie van België voor Wetenschappen en Kunsten, 2009.

²³ См. Sachiko Sakonji, *Plotinus on harmonia. Musical metaphors and their uses in the Enneads* // Agonistes. Essays in Honour of Denis O'Brien / Eds. J.Dillon, M.Dixsaute. Ashgate, 2005. P. 195–208.

циологию и историю религии. В то время большим авторитетом был Жорж Дюмезиль, который полагал, что индоевропейская мифология и общественное устройство отражают и воплощают в себе три идеологемы: юридическую и религиозную власть, военную силу, материальное преуспеяние. Его идея о трехчастном делении древних индоевропейских обществ хорошо объясняет трехчастное деление общества на правителей, воинов и производителей в «Государстве» Платона, тем более что в традиционной греческой мифологии почти не осталось следов этой трехчастной структуры. Я хотел обнаружить истоки этой идеологии, и занялся изучением санскрита, чтобы читать тексты в оригинале. Начиная с 1970 г. я много раз бывал в Индии – Бомбее, Дели, Бенаресе, Шринагаре – и очень люблю эту страну, в том числе и современную Индию.

В.П. Вы там учились или просто путешествовали?

Л.Б. Я хотел учиться там, но после перенесенной хирургической операции это стало невозможно. В 1984 г. у меня обнаружили невриному – опухоль, которая затронула слуховой нерв в том месте, где тот проникает в мозг и тесно соединяется с другими нервами. Чтобы извлечь новообразование, пришлось делать трепанацию черепа. Это вызвало серьезные проблемы с вестибулярным аппаратом: понятия переднего, заднего, высокого, низкого перепутались и исчезли. Пришлось снова учиться простейшим действиям – вставать, ходить, не падать. Кроме того, с тех пор я глух на левое ухо, у меня лицевой паралич, а левый глаз перестал выделять слезы. Это мешает преподаванию, поскольку я не могу определить, откуда исходит звук, я не могу следить за обсуждением, если участвует несколько собеседников. Поэтому я всегда прошу собеседников садиться справа от меня.

До болезни я восемь лет изучал санскрит и планировал продолжить обучение в Индии. В тот период я в составе группы переводчиков работал над переводом «Рамаяны». Пришлось бросить все, о чем я очень сожалею. Их перевод был опубликован в *Библиотеке Пляды*²⁴.

В.П. Я в 80-х увлекался чтением «Махабхараты» в английском драматизированном пересказе Камалы Субраманьям.

Л.Б. Нашей группой руководила Мадлен Бьярдо. Она работала и над «Махабхаратой»²⁵. В ее группе был также один русский, Борис Огибенин (*Oguibénine*). **Что касается меня, то хотя я успел проделать большую подготовительную работу, пришлось все прекратить, поскольку в тот период я был совершенно ни на что не годен.**

В.П. И вашего имени нет в списке переводчиков?

Л.Б. Нет, поскольку я не смог завершить свою часть. Зато, сразу после операции, практически еще находясь в постели, я начал переводить *Письма Платона*. Голова кружилась и меня постоянно тошнило, но я постепенно восстановился и первая часть перевода вышла в 1987 г.

Кстати, есть еще один пункт расхождения между мной и многими из тех, кто занимается философией во Франции или в Соединенных Штатах. Я имею в виду кантианцев или неокантианцев, полагающих, что философия автономна и отправляется исключительно от чувственных форм и умпостигаемых понятий, считающих, что для нее не существует таких понятий, как душа и Бог. Я не принимаю такого подхода.

²⁴ *Le Ramayana de Valmiki*, trad. du sanskrit. Édition publiée sous la direction de Madeleine Biarreau et de Marie-Claude Porcher. Collection Bibliothèque de la Pléiade. № 458. Gallimard. 1991.

²⁵ *Le Mahâbhârata*. Volume 1: Un récit fondateur du brahmanisme et son interprétation, Madeleine Biarreau, Seuil, 2002.

В.П. Это приводит нас к вопросу о том, какие вопросы и темы античной философии вас особенно интересуют. К примеру, вы изучали орфизм.

Л.Б. Меня интересует миф и история религии, которые в конечном счете совпадают. Например, у Платона мир, человек и государство не возникают автоматически сами по себе из четырех стихий или беспредельного. В «Тимее» они становятся результатом божественного намерения, действие которого не прекращается после создания мира демиургом, но продолжается на уровне мировой души в форме промысла. Платону удалось достичь очень хрупкого и сложного синтеза, неустойчивого равновесия между мифом и разумом, между традицией, представленной фигурой демиурга, и свободным исследованием, задействующим математику. Кстати, именно Платон наделил слово «миф» тем значением, которое оно имеет сегодня в европейских языках.

Для Платона традиционный миф есть речь, посредством которой в устной форме от одного поколения к другому передаются вещи, которые данное общество сохраняет в памяти о своем прошлом; вещи, которые оно полагает ценными. О чем рассказывает миф? О событиях, которые разворачивались в не вполне определенных «где-то» и «когда-то», которые ни рассказчик, ни его слушатели не могут верифицировать. Рассказ ведется в устной форме, а значит само повествование слегка меняется при каждом новом изложении. Письмо убивает миф, поскольку не позволяет сообразовать нарратив с ожиданиями тех, кому эта история предназначается, так что спустя какое-то время читатели начинают замечать в повествовании анахронизмы, неправдоподобные и невозможные вещи.

В системе Платона миф принадлежит уровню души, которая по своей природе не является ни полностью чувственной, ни полностью умопостигаемой. Все, что относится к душе, – к ее странствиям и предназначению – Платон отдает мифу. Философское рассуждение предназначено для немногих. Сам же Платон претендовал и на политическое влияние. Поэтому миф используется в «Государстве» и «Законах». Платон не только прибегает к мифу, но и создает его. Как философ, он может говорить о душе, лишь посредством этого типа дискурса. Как политический реформатор, он должен убедить большинство, но последнее воспринимает лишь миф, а не философские рассуждения, остающиеся уделом меньшинства.

Я полагаю, что традиционная философия всегда уходит корнями в религиозные движения. Например, орфизм очень важен для того, чтобы понять платоновское учение о душе. А санскритская литература и Веды предоставляют материал для понимания истоков трехчастного деления общества у Платона. Для меня философия – это не только предмет, преподаваемый в университете или колледже. Как и религия, это то, что структурирует человеческое бытие. Даже если вы не религиозны, вы должны признавать наличие связи между философией и религией. Эту связь трудно не увидеть.

В.П. Поэтому в истории философии вы предпочитаете Платона, неоплатонизм, а не комментаторов Аристотеля, к примеру, у которых преобладает интерес к логике или физике?

Л.Б. Именно так. Хотя с внешней стороны меня можно классифицировать как «историка философии», занимающегося Платоном и платонизмом, это определение значительно сужает перспективу моего внутреннего видения целей и смысла моей деятельности. Во-первых, я глубоко убежден, что человеческое бытие определяется тем, чем человек занимается (в широком смысле этого термина). Переживание, которое не получает объективации, не сможет обрести существования, способного сделаться предметом осмысления и дискурса. Великая любовь рассеется так же, как зубная боль, если тем

или иным способом не будет зафиксирована. Мысль, объективированная в дискурсе, это единственное средство, посредством которого человеческое бытие научилось коммуницировать и передавать свой опыт.

Во-вторых, мои исследования всегда, так или иначе, проистекают из моего личного опыта. Я пытаюсь ответить на вопрос, каким образом случается, что индивид или группа, принадлежащая некоему социуму или традиции, вдруг формируют новую перспективу, позволяющую этому обществу познавать и определять себя; каким образом индивид или группа могут отвергнуть традицию во имя интеллектуальных потребностей, которые, начиная с Платона, именуют «философией». Именно это движение отделения не перестает интересоваться меня со времени моего детства и отрочества в Квебеке, когда пережитый кризис заставил меня пересмотреть отношение к католицизму.

Кстати, если обратить внимание на тех, кто занимается исследованием неоплатонизма, будь то франкоязычные или англоязычные ученые из Северной Америки и Англии, то они окажутся преимущественно католиками, а не протестантами. Протестанты предпочитают аристотелизм.

В.П. Отчего так?

Л.Б. Думаю, дело все в том же кантианском или неокантианском подходе. Протестанты, как правило, мыслят более отвлеченными категориями, чем католики или православные, поскольку для последних важен ритуал, обряд, община. А общиной руководит священник. У протестантов не так. Духовенство не стоит между членами общины и Богом. Верующие общаются с Ним напрямую. В этом различие католиков и протестантов. Последние сами работают над собой, они автономны. Все нематериальное и иррациональное отвергается. Как следствие, наиболее значительные исследователи неоплатонизма – католики. Например, Артур Армстронг (который некоторое время работал и в Канаде), Эрик Доддс, Денис О'Брайен, Джон Диллон, Джон Рист²⁶. Или же они иудеи, как Герсон.

В.П. Можно упомянуть и Карлоса Стела, возглавляющего Институт философии Католического университета Левена.

Л.Б. В этом году он выходит на пенсию и его заменит Ян Опсомер. Стел выдающийся ученый, человек большого ума. Мы знакомы более сорока лет. Он руководит важным научным центром...

В.П. Центр Де Вульфа – Мансьона как раз и был создан, чтобы сосредоточить в одном месте исследования античной и средневековой философии²⁷. Мне довелось дважды поработать там в 1990-х.

Каких неоплатоников вы считаете наиболее важными? Например, высказывалось мнение, что Прокл не привнес ничего нового и был всего лишь систематизатором сделанного прежде него.

²⁶ John M. Rist, специалист по истории античной и христианской философии. См. John M. Rist. *Man, Soul and Body: Essays in Ancient Thought from Plato to Dionysius* (1996); *Augustine: Ancient Thought Baptized* (1994); *The Mind of Aristotle* (1989); *Platonism and Its Christian Heritage* (1985); *Human Value: A Study of Ancient Philosophical Ethics* (1982); *The Stoics* (1978); *Epicurus: An Introduction* (1972); *Plotinus: The Road to Reality* (1967); *Eros and Psyche: Studies in Plato, Plotinus and Origen* (1964).

²⁷ Речь идет о De Wulf–Mansioncentrum Католического университета Левена. Центр основан в 1956 г. при Институте философии Левенского университета и назван в честь двух ученых – Мориса Де Вульфа (Maurice De Wulf, 1867–1947), основоположника историографии средневековой философии, и Огастена Мансьона (Augustin Mansion, 1882–1966), исследователя аристотелизма. При создании центра ставилась цель собрать в одном месте книги, инструментарий и специалистов, исследующих античную и средневековую философию в их связи. Когда в 1969 г. Левенский университет разделился на фламандский (оставшийся в Левене) и валлонский (перенесенный в Лувен-ля-Нев), в каждом университете появился свой Центр Де Вульфа – Мансьона.

Л.Б. Для меня существуют два наиболее важных неоплатоника. Впервые, Плотин. Он изменил все. Ему удалось создать своего рода синтез стоицизма и платонизма. На мой взгляд ему удалось решить проблему причастности. В Плотине мне чрезвычайно интересно то, что он находился в реальной полемике с христианами. Он пытался ответить им и не только интеллектуально, посредством создания философской системы. У него было учение о том, что мировая Душа создает материю и всех людей с их злом, создает наш мир. Думаю, это весьма оригинальное и продуманное учение. На мой взгляд, после него ни один из неоплатоников не был столь оригинален. Никто не превзошел его. Мне очень нравится Порфирий, но Порфирий тяготел к пропаганде...

В.П. Был популяризатором...

Л.Б. Да, но очень, очень хорошим. Мне весьма нравится его «Жизнь Плотина», очень хорош трактат «О воздержании», хотя он ужасно написан. Но он совершенно особенный. Я также хотел бы прочитать его «Против христиан», поскольку полагаю, что дошедшие до нас фрагменты не дают представления о его подлинном содержании. Порфирий также важен как ученик, издатель и популяризатор Плотина. Ну а другая величина – Прокл. Конечно, Прокл сосредоточился на достижении своего рода синтеза...

В.П. На систематизации.

Л.Б. Да, но его сочинения – это самое важное, что произвела поздняя античность. Мне очень нравится в Прокле – хотя он здесь не единственный – то, что он пытался достичь синтеза между вершиной философии, каковым для него был Платон, и лучшим в религии, то есть орфизмом и «Халдейскими оракулами». А то, что и «орфизм», и «Оракулы» не подлинны и сконструированы, не важно. Видя, как христиане занимают места в экономике, политике, армии, Прокл пытался бороться за то, чтобы сохранить эллинскую культуру. Мне это чрезвычайно импонирует. Это близко к моему мироощущению, поскольку лично я считаю, что античная греческая культура гораздо интереснее христианской. Трудность состояла в том, что основная масса людей не могла выбрать философию, это удел немногих. Христианином быть легче, поскольку миф гораздо могущественнее. Христианское богословие отвечает на реальные проблемы каждого человека, даже если, по моему мнению, это ложные проблемы. Мне кажется, что корень религии – не всех религий, но христианства и ислама – в том, что люди не хотят умирать. Когда я учился в семинарии, мне это было совершенно ясно. Нас учили объяснять людям, что они не умрут. А для меня это было ложью. У меня язык не поворачивался, когда нужно было говорить это. Я понятно выражаюсь?

В.П. Мне кажется, что переживание собственного ухода принципиально отличается от переживания ухода близких людей. Своя кончина всегда предвосхищается, всегда остается в грядущем, а смерть близкого – это данность, а потому особенно безнадежна. В этом смысле правы те, кто говорит, что смерть есть то, что случается с другими.

Л.Б. Конечно. Для меня смерть не является проблемой, но я понимаю других людей. В ночь после операции у меня открылось такое сильное кровотечение, что я едва не умер. Это был странный опыт. Смерть казалась мне такой же естественной, как все прочее. Это не драма, и даже не борьба, как на то указывает слово «агония». Умирать легче, чем обычно считают. С тех пор я перенес еще пять операций (и возможно по этой причине у меня все больше склонности быстро печатать то, о чем в данный момент я размышляю).

Говорят, что если все равно умрешь, тогда «все дозволено»... тебя не накажут... А я полагаю, что, если нет вечной жизни, важно жить достойно сейчас, хорошо относиться к окружающим, поскольку у людей остается о тебе память... Для меня отсутствие бессмертия не ведет к деструктивному отношению, как для Ницше, не означает вседозволенности или выхода за пределы добра и зла. Если человек не верит в то, что будет жить вечно, ему приходится быть более ответственным за свои поступки. Он не может рассчитывать на то, что, исповедавшись перед смертью, он получит отпущение грехов и дальше с ним все будет в порядке. Моя мысль понятна?

В.П. Вполне. В России для значительной части общества маятник опять качнулся в сторону религии, и нередко можно услышать, что «если нет религии, то исчезает основание для морали».

Л.Б. Существуют другие основания. Но мне понятно, что для большинства людей религия лежит в основе этики. Поэтому меня так интересует религия, миф, санскрит и прочее в том же духе. Тем не менее, мне кажется, что можно возвыситься над этим и увидеть, как обстоят дела в реальности.

В.П. Реальность – это вопрос восприятия.

Л.Б. От природы я своего рода наблюдатель и всегда несколько дистанцирован. При этом я не отношусь к верующим пренебрежительно. Для большинства религия действительно является основанием этики, хотя, мне кажется, что если жить по-другому, катастрофы не произойдет.

Вот что любопытно. Не помню, рассказывал ли я, но когда мы были в Сергиевом Посаде, мне объяснили, что богослужение там было возобновлено сразу после войны, поскольку погибло немыслимое количество людей. Мне было важно это услышать, и мне ясно, почему это было сделано. Если Сталин понимал подобные вещи, он был очень проныцателен.

В.П. Он ведь учился в семинарии...

Л.Б. Да, я знаю...

В.П. Человек всегда ощущает потребность быть причастным чему-то большему, чем повседневная данность.

Л.Б. Вот почему я не против религии как таковой, хотя сам не мог заставить себя говорить людям – а в Канаде я не раз видел погибших при несчастных случаях, народ был бедный, а труд тяжелый – «он не умер, настанет время, и вы снова увидите». Я не мог утешать их таким образом, сколь бы сильно им не сочувствовал... Да еще получать за это деньги.

В наших краях все были католиками... Семьи были многодетными, люди бедными, поэтому многие отправлялись служить в британскую или американскую армию, поскольку потом можно было получить американский паспорт и работу... если вы оставались живы, конечно.

В.П. Понятно.

Л.Б. Множество людей отправились воевать в Корею в 1950–1953 гг., а потом во Вьетнам. Во Вторую мировую войну много канадцев воевало в Европе, в Нормандии, поскольку они знали французский, а также на севере Италии, откуда осуществлялось вторжение во Францию. И в Нормандии и в северной Италии было ужасно, пехоте пришлось взламывать немецкие оборонительные рубежи. Авиационной поддержки не было, и им приходилось полагаться только на себя. Поэтому я понимаю верующих, хотя не могу заставить себя говорить: «Он не умер»... Он умер.

В.П. Что касается связи философии и религии, то, на мой взгляд, весьма своеобразный синтез неоплатонизма и христианства достигнут в Ареопагитском корпусе. Настолько, что фоном для описания таинства евхаристии в «Церковной иерархии» служит «Федр» Платона – вторая речь Сократа.

Л.Б. Да, конечно, такого рода попытки предпринимались всегда. Не знаю, как в России, но во Франции два или три десятилетия назад шли дебаты о том, как можно определить существо христианской философии... На мой взгляд, подлинная философия в христианском контексте невозможна. Для этого нужна философия греков. Я подробно писал об этом в статье применительно к истории этики²⁸. Пытался объяснить (хотя со мной не все соглашались), что исходно христианская вера вовсе не была связана с философией или этикой, а представляла собой критику иудейской книжности и традиций. И не имела отношения к философии. В евангелиях преобладают эмоции, наставления относительно поведения... и ничего больше. Для того, чтобы создать из этого систему... теоретическую и философскую... пришлось прибегать к заимствованиям: вначале у стоиков, поскольку стоицизм был очень важен для первых христиан, позднее обратились к Платону и Аристотелю.

В.П. В Александрии платоническое влияние фиксируется очень рано. Даже Филоновская экзегеза, как показал Дэвид Руния, во многом выросла из традиции комментариев на «Тимей» Платона. А Филон повлиял на Климента Александрийского и Оригена.

Л.Б. Да, это очевидно. Прокл тоже, как я уже говорил, пытался достичь синтеза между греческой культурой и христианством. Поэтому он так важен.

В.П. А Ямвлих? Каково его место в этом процессе, а также в более широкой перспективе?

Л.Б. Ямвлих, безусловно, выдающаяся фигура, но меня – поскольку я много занимаюсь греческим и латинским – ужасает его язык. Родным для него был арамейский, язык, на котором говорил Христос, а его греческий отвратителен, просто кошмар. Помимо прочего, Ямвлих важен, поскольку повлиял на Прокла. Он очень идеологизирован: поскольку ему пришлось бороться с христианами, он, как позже Прокл, пытался соединить платонизм с религией. Он говорил, что Платон, побывавший в Сицилии и Южной Италии, заимствовал учение Пифагора, а пифагореизм в свою очередь восходит к учению Орфея, ибо Пифагор был посвящен в орфический культ. Ямвлих пытался обосновать наличие единой религиозной-философской традиции, идущей от самого Зевса, правящего на Олимпе, поскольку матерью Орфея была нимфа Мнемозина. Пифагор и Платон для него были частью этой традиции. Учение Платона, таким образом, несет в себе божественное откровение. Перед нами та же идея, что философия укоренена в теологии. Очень важно, что Ямвлих создал такого рода мифологическую традицию. Платоники пятого и шестого веков сделали это мнение нормативным, передав его Византии и далее – эпохе Ренессанса (например, его воспроизводит Марсилио Фичино).

Но изложено все это ужасным языком. Ямвлих использовал как подлинные, так и поддельные источники. Он решил сражаться с христианами их же оружием: его Пифагор творит чудеса и тому подобное, а учение Платона предоставляет возможность спасения души.

В.П. Вы упомянули о поездке в Сергиев Посад. Насколько я знаю, вы давно хотели побывать там.

Л.Б. Я впервые приехал в Советский Союз в 1969 г., в пятый год правления Брежнева. Как я уже говорил, в наших краях многие служили в армии. Я родился в 1946 г., так что первая война, о которой я услышал от вернувшихся оттуда солдат, была война в Корее. Она была кровавой: партизанские действия в горах зимой. Им приходилось, подобно русским, сражаться при

²⁸ Luc Brisson, “Éthique des Pères de l’Église”, *Dictionnaire de la Morale*, ed. Monique Cantosperber. Paris: PUF, 1996.

40 градусах ниже нуля. Опосредованно они противостояли Китаю, а также Советскому Союзу, поскольку Китай, который мог оккупировать Корею, получал поддержку из СССР. Неподалеку от нас находился военный аэродром. Когда я был ребенком – мне было лет десять-двенадцать – то каждый день оттуда взлетало множество истребителей. В то время это были реактивные истребители «Сейбр» и стратегические бомбардировщики Б-50. Их база была в 40 км от нас. Каждый день они ревели в небе: летели на север, навстречу советским дальним бомбардировщикам, которые постоянно проверяли нашу обороноспособность на северных рубежах. В то время (до 1963 г.) у нас были еще не канадские, а Королевские (британские) воздушные силы. Мы боялись СССР и следили за тем, что у вас происходит. Когда в 1968 г. я приехал во Францию, там тоже интересовались Советским Союзом. Хотя отношение было совсем иное: в Париже все были левыми, и если ты не был марксистом, то тебя считали ультраправым.

Мне хотелось увидеть СССР своими глазами, поэтому на следующий год я отправился в Советский Союз. Я приехал в составе группы студентов, половина которых была марксистами. Когда я, наконец, воочию увидел наших предполагаемых противников, то был весьма удивлен: люди в Москве и Ленинграде были похожи на нас (и так же много пили). Я вдруг понял, что та классическая музыка, которую в Квебеке транслировали по радио, тоже часто была русской. В то же время я заметил, что все построено на лжи. Люди лгали по любому поводу, и при этом не особенно пытались скрыть, что понимают, что их ложь очевидна. Например, человек в общежитии, у которого я покупал газету, утром говорил мне, что валюту можно поменять только в банке, а вечером предлагал мне купить рубли у него. Меня все время спрашивали, нет ли у меня джина или чего-нибудь еще в этом роде. В магазинах товары были выставлены на витринах, но зайдя внутрь, вы обнаруживали пустые прилавки. Люди стояли в очередях, но если вы спрашивали, за чем именно они стоят, они отвечали, что не знают, но если есть очередь, значит, что-нибудь привезут. Если мы хотели что-то купить, например шапку (была зима), нужно было идти в магазины «Березка» и расплачиваться долларами.

Мы жили в общежитии Университета им. Патриса Лумумбы, поскольку и сами мы были студентами. Но однажды мы раскошелились и вечером отправились в «Метрополь»: в то время считалось престижным отужинать в «Метрополе». Мы были и в Большом театре, конечно, где иностранцу приходилось втрое или вчетверо переплачивать. И опять же платить в долларах. Кстати, я это понимаю и не считаю, что это плохо. Например, во Франции опера – дорогое удовольствие, и студентам не по средствам посещать ее.

К сожалению, нам было запрещено выезжать за пределы Москвы, и тогда я не смог побывать в Загорске, куда очень хотел попасть.

Советский Союз был очень интересным образованием, совсем не похожим на другую супердержаву – США. СССР стремился быть сильнейшим, опираясь на армию, промышленность. Его не победили, он растворился сам, как кусок сахара в чашке чая. Но почему? У него не было внутренних врагов...

В.П. Мы проиграли гонку в науке, в технике. В конечном счете, все определило отсутствие свободы – подавление любой инициативы: в науке, культуре, промышленности. У человека не было права делать то, что он считал нужным: на все требовалось разрешение. Постепенно в огромной стране это привело к окостенению всей системы. Всякое движение прекратилось. Страна утратила навык производить элементарные вещи: одежду, пищу, товары. И колосс рухнул, сгнив изнутри.

Л.Б. Мне кажется более важным то, что у вас не было того, что структурирует жизнь. Такую структуру предлагают философия и религия, они должны идти вместе.

В.П. Религии не было, но идеологическая работа была поставлена хорошо.

Л.Б. Не было настоящей, народной идеологии, а не марксистских измышлений. Даже если у вас сильная армия, мощная промышленность, крепкие общественные устои, вам также нужна идеология – религия, философия и тому подобное. Это очень важно. Кажется, что, развивая их, вы тратите силы и средства непонятно на что, но вам это необходимо, поскольку вы имеете дело с людьми, которые в этом нуждаются.

В этой связи я хотел спросить, чем теперь занимаются в Институте философии?

В.П. Весьма многим. У нас более двух сотен сотрудников. Есть отделы истории философии, философии науки и техники, философской антропологии, социальной философии, эпистемологии и логики. До недавнего времени не было специальной группы, занимающейся философией античности. Центр античной и средневековой философии и науки²⁹, который вы дважды посещали, был создан, чтобы отчасти заполнить эту брешь. Вот уже седьмой год подряд в Центре работает ежемесячный семинар. Мы издаем сборники исследований и переводов с латинского и греческого.

Вы дважды были у нас в Институте. Каково ваше впечатление?

Л.Б. Я был приятно удивлен, встретив в Институте сразу несколько историков философии, которые знают древнегреческий настолько хорошо, что способны в оригинале обсуждать «Сентенции» Порфирия. В наше время таких специалистов непросто отыскать где бы то ни было. У нас были очень содержательные дискуссии.

Я хотел бы также отметить живой интерес к античной философии, который демонстрируют участники летней школы Новосибирска, где я уже дважды читал лекции. Я с удовольствием езжу туда, поскольку там собираются слушатели из различных регионов России и даже из стран бывшего Советского Союза. Как лектор, я получаю прямой контакт с представителями очень разных научных учреждений, что ответственно и одновременно привлекательно. Чувствуешь себя как Платон на Сицилии.

Так что, повторюсь, у меня очень хорошие впечатления. Как я сказал, в Париже за пределами нашей группы в ИЦНИ я не смог бы найти пятерых человек для перевода «Сентенций» Порфирия.

Правда ли, что Институт философии может потерять свое здание на Волхонке?

В.П. Наш сосед, Музей Изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, уже много лет пытается нас вытеснить. Когда в их Попечительский совет вошел бизнес со связями во властных структурах, давление на нас резко усилилось.

Л.Б. Здание предполагается снести?

В.П. Говорят, что здесь будет новый депозитарий, но строение для этого непригодно. Можно предположить, что если институт выедет, здание тоже исчезнет.

Л.Б. Для России важна философия античности и, особенно, Византии, поскольку здесь исток русской культуры и православного богословия. У вас есть контакты с теологическими институтами?

²⁹ В апреле 2011 г. в Институте философии образован сектор Античной и средневековой философии и науки.

В.П. Мы сотрудничаем с учеными из православных университетов и учреждений, участвуем в их конференциях, в которых, как правило, имеются секции по патристике, публикуем статьи в соответствующих журналах и изданиях. Они тоже интересуются тем, что мы делаем. Уже ряд лет православные учреждения организуют международные конференции, на которые приглашаются специалисты со всего мира. Для этого у них есть финансовые возможности, которыми академические структуры не располагают.

Л.Б. В Сергиевом Посаде на меня произвела впечатление оснащенность современной техникой издательского центра Духовной Академии³⁰. И они весьма компетентны в том, как пользоваться всем этим оборудованием.

В.П. Да, это любопытная особенность российской ситуации. По опыту знаю, что православная интеллигенция часто демонстрирует лучшие навыки работы с интернетом и компьютерной техникой, чем мои коллеги из Академии наук; они также весьма активны в интернет-блогах, где ведутся споры на богословские темы.

Л.Б. К сожалению, и для нас, и для вас ситуация становится непростой. Как я уже говорил, планируется трансформировать НЦНИ в структуру, которая предоставляет специалистов для определенной работы, при том что срок контракта не должен превышать четырех лет. Так что наша ситуация напоминает вашу. Становится невозможным проводить долгосрочные исследования, например переводить «Платоновскую теологию» Прокла или Дамаския – о. Комбес потратил 12 лет на перевод его трактата «О первых началах». За четыре года этого не сделать. Первый год нужно искать деньги, затем два года можно работать, и еще год уйдет на публикацию результатов. Не имеет смысла публиковать только одну часть. Перевод Дамаския у Жозефа Комбеса (Joseph Combès 1920–2002) занимает семь томов³¹.

Сейчас во Франции трудно найти молодых ученых, которые бы продолжили эти исследования в области классической философии. У меня были яркие студенты, но теперь они работают на телевидении, в правительственных издательствах. К примеру, Жан-Франсуа Прадо, с которым я перевел несколько трактатов Плотина, теперь работает на премьер-министра³².

В.П. Видимо, это глобальный процесс. Джеймс Макивой³³ рассказывал мне, что во времена его молодости Ирландия была бедной страной. Поэтому молодые люди со склонностью к гуманитарной науке поступали в като-

³⁰ Имеется в виду редакция интернет-портала Богослов.RU (<http://www.bogoslov.ru>).

³¹ Cf. Damascius. *Traite' des premiers principes*. 3 vols. Texte e'tabli par L.G. Westerink et traduit par Joseph Combe's (Paris: Les Belles Lettres, 1986, 1989, 1991) [Collection des Universite's de France, Bude']; Damascius. *Commentaire du Parme'nide de Platon*. 4 Vols. Texte e'tabli par L.G. Westerink. Introd., trad. et annote' par Joseph Combe's avec la collab. de A.-Ph. Segonds (Paris: Les Belles Lettres, 1997, 2002, 2003). См. также на рус. яз.: Дамаский Диадок. О первых началах / Пер. с древнегреч. Л.Ю. Лукомского (СПб.: РХГИ, 2000).

³² Jean-François Pradeau (1969), conseiller au cabinet de la secrétaire d'État chargée de la prospective et du développement de l'économie numérique (2009–2010). См. его *Platon et la cité* (PUF, 1997); *Le monde de la politique*. Sur le récit atlante de Platon. Timée (17a–27b) et Critias (Sankt Augustin, Academia Verlag, 1997); *Platon* (Ellipses, 1999); *L'imitation du principe. Plotin et la participation* (Vrin, 2003); *Platon, les démocrates et la démocratie. Essai sur la réception contemporaine de la pensée platonicienne* (Bibliopolis, 2005); *La communauté des affectés. Études sur la pensée éthique et politique de Platon* (Vrin, 2008); *Platon et l'imitation* (Aubier, 2009); *Philosophie antique* (PUF, 2010).

³³ James McEvoy (1943), медиевист, историк философии, специалист по Роберту Гроссетесту. Преподавал в Католическом университете Левена и Национальном университете Ирландии (Мейнурт). См. его: *Robert Grosseteste, exegete and philosopher*. Aldershot: Variorum, 1994; *Opera Roberti Grosseteste Lincolniensis* / Ed. J. McEvoy. Turnhout: Brepols, 1995; *Robert Grosseteste*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000; *History and eschatology in John Scottus Eriugena*

личные университеты, закончив которые становились медиевистами или историками философии. Ныне та же молодежь ищет работу в ирландском филиале корпорации Dell и пр. В Западной Европе многие специалисты по средневековой и античной философии были священниками или монахами – А.-Ж. Фестьюжьер, Дж. О’Мара, П.Адо, Э.Жоно. Те, кто пришел им на смену, уже не достигают их высот. В современной России, при внешних различиях, ситуация та же. Одаренные люди не стремятся в науку, поскольку для людей, которые хотят проявить себя, открылась масса других возможностей. Молодым людям стало сложно заниматься наукой и по материальным причинам. В советское время проблема не стояла так остро, поскольку в нашем социальном слое некий уровень благосостояния был гарантирован. Ведь, как говорил Платон, для занятий философией нужны достаток, досуг и здоровье.

Л.Б. У нас происходит же самое. Поэтому люди уходят на ТВ и в издательский бизнес. И потому так важно бороться за НЦНИ, за Институт философии. Дело не в том, чтобы держаться за свое место. Это вопрос сохранения философии как свободного исследования.

Подготовка публикации и примечания В.В.Петрова